

Не настолько послушна пятнадцатилетняя Мехар, чтобы не пытаться выяснить, который из трех братьев — ее муж. Уже наутро после свадьбы, как ни дрожат у нее руки от волнения, она смешивает в разных пропорциях лимон, чеснок и приправу на тарелках с резаным луком, относит им и старается распознать запах того самого человека, который приходил к ней той же ночью, невидимый в темноте. Но этого недостаточно, ведь сильнее всего пахнет ее страх, и тогда она делает еще одну попытку, случайно услышав, как один из троицы жалуется на мозоли на руках. Когда ладонь супруга гладит ее нагое плечо, она сосредоточивается изо всех сил, но все равно остается не уверена. Может быть, у всех мужчин руки такие грубые, торопливо-неловкие и сухие.

В разгаре лето 1929 года, и братья не заговаривают с ней в присутствии друг друга. На самом деле они едва говорят с ней вообще. Ей же, само собой, полагается исполнять свой долг, молчать и закрывать лицо вуалью, как другие молодые жены. Подглядывая за братьями из окна, она видит в них только сходство: близки по возрасту, равно узкого сложения, неубедительные плечи и тяжелый взгляд; в серьезных лицах ни грамма вялости, расчерчены по одним и тем же правилам. У всех троих одинаковые плотные бороды, подстриженные коротко, на головах с утра до вечера свободные тюрбаны из кусков одной шафранной ткани. Бóльшую часть дня братья проводят в поле

или за выпивкой и игрой, а Мехар в это время ткет и готовит, убирает и доит, за вычетом тех вечеров, когда их мать Май говорит ей, поднимая к угрюмым губам стакан чая:

— Сегодня не в фарфоровой.

Уже в третий раз, домыв оловянную посуду во дворе у колонки, Мехар не уйдет вместе с другими женщинами, а удалится в спальню без окон в дальней части дома. Она сидит на кровати, сжав колени, — ложиться пока не к чему. Пять дней как замужем. Пять ночей с тех пор, как она впервые легла в черной как сажа комнате и стала ждать, дрожа всем телом, надеясь, что он не придет, и молясь, чтобы кровь была. Накануне свадьбы мать вложила ей в руку крохотное лезвие. *На всякий случай порежь себе палец.* Мехар не стала: не было нужды. Потом снаружи встала Май в ожидании простыней. Муж в первый раз не сказал Мехар ничего и почти ничего во второй. Интересно, разговорится ли он сегодня?

Сальная свеча на каменной подставке оплыла до основания, и в убийственно слепящей темноте Мехар кажется, что она погрузилась в подводный мир козерогов и чудищ. Она слышит отдаленные звуки с другой стороны двора: протестующе скрипит лежанка, шаркают поддетые пальцами ног кожаные тапочки. В предчувствии визита у нее слегка сводит живот. Мехар ложится; тотчас открывается дверь, входит муж и садится рядом. Она осмеливается задержать взгляд на той части темноты, где наверняка должна быть его голая спина, хотя, например, отличить его волосы от полотняной ленты невозможно — слышно только, как он ее разматывает. Почувствовав, что он развязывает набедренную повязку, она переводит взгляд на черноту в том месте, где был потолок, и ждет.

— Раздевайся, — говорит он без недовольства, но с характерной мягкостью супруга, знающего, что ему подчинятся. Она старается удержать в памяти его голос, разобрать по крупицам

его неожиданную хриплость. Не он ли днем попросил еще дала*, заставил ее в спешке выбежать к ним из дома? Она собирает подол своей туники вокруг бедер и развязывает шнурок. Одним быстрым движением он стягивает с нее шальвары, так что ветерок бежит по ногам, а потом наваливается сверху — и ей чудится, будто что-то хочет проглотить ее целиком. Она не видит ничего, даже темноты вокруг, и боится, что действительно оказалась у него внутри. Он не груб и не ласков. Быть может, немного слишком напорист, потому что все трое братьев хотят ребенка, обязательно мальчика. Мехар вытянула руки по бокам, неподвижно, ладонями вверх. От него сильно пахнет травой, и потом, и пажитником, и вареными таро** — вечерней трапезой, но еще она улавливает запах мыла и радуется, что он специально помылся, прежде чем идти к ней. Он хватает ее за плечо — мозолистая рука или нет? — последний толчок, сдавленный выдох, и слезает с нее, сначала одной ногой, потом другой. Снова садится к ней спиной и, догадывается она, убирает пенис в набедренную повязку.

— Привыкаешь здесь понемногу?

— Ко мне все очень добры.

Короткое насмешливое фырканье — она тут же косится в ту сторону — нет, ничего не видно.

— В этом доме отродясь добра не было, — говорит он и вдевает ноги в тапочки.

* Дал (дхал) — национальный индийский суп-пюре. *Здесь и далее прим. ред.*

** Таро называют «картофелем тропиков».